

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ, ИГОРЬ ЖЕРЕБЦОВ (Сыктывкар)

О НЕКОТОРЫХ ВЗГЛЯДАХ КАЛЛИСТРАТА ЖАКОВА НА ЯЗЫК

С повышением интереса к исследователям прошлого, к проблемам коми гуманитарной культуры закономерно привлекает внимание научное творчество К. Ф. Жакова, которого в свое время называли «зырянским Фаустом», «зырянским Ломоносовым». К сожалению, его научное наследие остается малоизученным. Более того, вплоть до недавнего времени на родине ученого фактически было невозможно упоминать это имя в положительном контексте. К примеру, в редакционной статье республиканской газеты «Красное знамя» от 15 сентября 1977 г. «Соблюдать партийность в освещении вопросов истории» К. Ф. Жаков характеризовался как «защитник буржуазного строя», «эмигрант и антисоветчик». В действительности ученый-энциклопедист профессор Каллистрат Фалалеевич Жаков всегда был далек от конкретной политики и всецело посвятил свою жизнь научному поиску: он занимался естествознанием, астрономией, математикой, философией, этнографией, фольклором, языкознанием и другими науками.

Выросший в коми языковой среде, К. Ф. Жаков преломлял свой научный интерес к родному языку сквозь призму мифологии, народных верований, этнографии коми народа. Образно-понятийная система коми языка каким-то образом отразилась и на философской основе выдвинутой им оригинальной теории познания — «лимитизме».

Каллистрат Фалалеевич Жаков родился 18 сентября 1866 г. в дер. Давпон (ныне часть г. Сыктывкара) в крестьянской семье, где был одиннадцатым ребенком. В детстве ему довелось вместе с отцом, известным в Коми крае резчиком по дереву, пешком пройти по многим коми селам. Способности к наукам проявились у Жакова уже во время учебы в Усть-Сысольском уездном училище. В 1879 г. он поступил в Тотемскую учительскую семинарию, где особенно успешно изучал математику, естествознание и языки. После окончания семинарии в 1884 г. Жаков не был допущен к преподаванию из-за политической «неблагонадежности», работал чернорабочим на заводе. В 1886 г. он поступил в Вологодское реальное училище, но был исключен из-за атеистических взглядов и сдавал экзамены экстерном. В 1891 г. Жаков стал студентом Лесного института в Петербурге, но вскоре обратился к религии и ушел на Вологодчину, намереваясь постричься в монахи. В монастырской школе он познакомил учеников с эволюционной теорией Ч. Дарвина и вынужден был покинуть монастырь.

В 1896 г. тридцатилетний К. Ф. Жаков поступил в Киевский университет, через три года перевелся в Петербургский. После окончания учебы в 1901 г. он был оставлен в университете сначала на кафедре русского языка и литературы, затем на кафедре сравнительного языкознания. Там Жаков получил звание магистра по сравнительному языкознанию, подготовил цикл лекций о грамматической структуре коми языка, высоко оцененный Э. Н. Сетяля, под руководством И. А. Бодуэна-де-Куртенэ изучал санскрит, классическое языкознание, сравнительное языкознание.

В дальнейшем К. Ф. Жаков более углубленно занялся философией, этнографией и литературным творчеством. С 1907 г. он работал в открывшемся тогда Психоневрологическом институте на кафедре логики, с 1908 г. — профессор этой кафедры. Весной 1917 г. К. Ф. Жаков уехал из Петрограда к родственникам жены-латышки в

г. Валга. События Октябрьской революции и гражданской войны застали его в Тарту, где он читал лекции по лимитизму, пользовавшиеся большой популярностью. В городе был даже организован «Философский кружок имени К. Ф. Жакова», пропагандировавший и издававший его труды. Жаков работал во Пскове, побывал в Петрограде, вернулся в Тарту. В Тартуском университете он читал лекции по коми языку, некоторое время был заместителем заведующего кафедрой философии. Через полтора года, в 1921 г., К. Ф. Жаков уехал в Ригу, где также пользовался уважением среди интеллигенции, хотя жил довольно скудно, существуя на случайные заработки. Под конец жизни он намеревался вернуться на родину, но смерть в январе 1926 г. помешала этому.

Коми ученый прошел не прямой, трудный и противоречивый жизненный путь, перенес массу неудач, взлетов и падений в своей деятельности. Несмотря на все испытания, он сохранил любовь к родному языку, к культуре коми народа. Как он сам отмечал во многих своих литературных произведениях, коми язык оставался внутренним стержнем его деятельности. Роль родного языка он оценивал чрезвычайно высоко. К примеру, в предисловии к изданному на русском языке рассказу А. Доде «Последний урок» К. Ф. Жаков писал: «Язык — душа народа. Язык — своеобразное выражение его переживаний, его логики, его понимания красоты и добра. Не только уклад жизни, культура, но и психика не одинаковы и у русского, немца и француза. Язык в глубоком значении этого слова имеет всегда две стороны: внешнюю — звуковую систему, своеобразную гармонию, известное музыкальное сочетание, и внутреннюю сторону — систему образов, ряд настроений, волевых решений, исторических переживаний. Язык — бессознательное, стихийное и органическое проявление духовной жизни народа, и для каждого народа язык — его величайшее сокровище. Отнимая язык, мы отнимаем у народа не только вековую привычку, его удобство, но отнимаем его своеобразие психических переживаний, понятий, мифов».

Для К. Ф. Жакова коми язык был и живым памятником истории, в языках он видел средство изучения древней истории финно-угорских языков и народов. Кратко передадим сущность взглядов К. Жакова на древнюю историю финно-угорских народов, которые он изложил в статье «Судьбы угро-финских племен в историческое и в донисторическое время» (Жаков 1911). Для современной науки подобная информация важна не только как обзор тогдашних представлений, но и как определенная ступень в теории и методологии сравнительно-исторического финно-угорского языкознания на рубеже веков.

В начале статьи К. Ф. Жаков справедливо указал, что «грамматика угро-финских языков находится еще в начале разработки», и поставил вопрос, в чем заключается родство финно-угорских языков, далее привел лексические параллели, слова, общие для многих финно-угорских языков: коми *юр* 'голова'; коми *юк*, фин. *jogi* 'река'; коми *сия*, фин. *silma* 'глаз'; коми *пу* 'дерево'; а также слова мифологии коми *ен*, фин. *ильмаринен* 'бог'. В статье указывалось и на этимологическую идентичность многих суффиксов в финно-угорских языках. Вместе с тем в этот список включено и слово явно изобразительного характера *гымало* '(гремит) гром', которое лишь с большим сомнением можно отнести к общефинно-угорскому словарному фонду. Сомнительно и включение в этот список лексемы *яга*: *яга-баба*. Наиболее общепринята славянская этимология слова *яга*; есть также точки зрения, согласно которым слово заимствовано в русский язык или из татарского, или из финского, или из коми языка (Черепанова 1983 : 101). Слово *шензьыны* 'удивляться' также не этимологизируется как финно-угорское (КЭСК 319).

К. Жаков пришел к выводу, что «финские племена не принадлежат к монгольским, а составляют особую северную расу, которая имеет отдаленное родство с орио-европейской расой». Этот вывод вполне согласуется и с данными современной науки, возможность уральско-индоевропейского отдаленного родства уже не раз привлекала внимание компаративистов (ОФУЯ 43). Определяя финно-угорские языки как некую самостоятельную языковую семью, Жаков подошел к вопросу об их прародине.

Этот вопрос дискутировался в то время многими ведущими исследователями. К. Жаков, не являясь в строгом смысле языковедом-компаративистом, источниками

называния рек, озер, урочищ считал археологические находки, язык и мифологию, легенды, эпос. Это определило его выводы о прародине как очень обширной области, где раньше проживали «финские племена». Жаков основывал свои выводы главным образом на немногих топонимических данных. Западную границу прародины он установил по названию озера *Гоп* около р. Висла в Польше (коми *gõp* 'яма'), название реки расшифровывал как *Висла-Висва* 'текущая, быстрая река', по созвучному коми названию реки. Южная граница прародины, по Жакову, простиралась до р. Дон. Он вывел этимологию *Дон* из коми *доналны* 'пламенеть, блистать' и названия озера *Дон* (в современном Усть-Куломском районе Коми АССР). На востоке территория прародины выходила за Уральские горы, а на севере простиралась до Ледовитого океана. На основе коми языка К. Жаков объяснял и название реки и города *Москва* от *мõск* 'корова' и *ва* 'вода'. Во всех объясняемых примерах К. Жаков исходил из материала современного ему коми-зырянского языка, хотя говорил всегда о «финских корнях». Вероятно, он воспринимал финно-угорские языки как некие очень близкие в языковом отношении образования, что, естественно, не является объективным представлением.

Определение прародины финно-угров на основе топонимических данных, как это делал К. Ф. Жаков, уже в те времена в финно-угроведении не считалось вполне приемлемым. Х. Паасонен и Э. Сетяля уже в начале века на основе метода лингвистической палеонтологии локализовали прародину прафинно-угров в более узких районах Европейской части России (ОФУЯ 33). К тому же топонимическая расшифровка К. Жакова в целом неверна.

Предлагаемая прародина объединяла, по мнению К. Жакова, разные «финские» племена: *Ям, Водь, Ижора, Весь, Меря, Муroma*. Все племена он объединил в легендарную Биармию, где «угрофинны имели свою развитую религию политеизма и свою грамоту. По крайней мере, мы замечаем сходство в очертаниях букв в надписях на эстонских камнях и в зырянских письменах на иконах XIV в. Это была особая северная грамота, своя письменность» (с. 411).

Уровень развития общества у финно-угров К. Жаков восстанавливал на основе карело-финского эпоса «Калевала», а в летописном отношении связывал праязыковую общность с упоминающейся в скандинавских сагах Биармией. К. Жаков отверг этимологию названия легендарной страны на основе коми языка: *би-ур-му* 'страна огненных белок', предпочитая толкование Теандера от древнескандинавского *biarmland* 'страна на краю моря'. Он считал, что *биармо, пермь, парма* — слова одного корня. В принципе К. Жаков однозначно не определил языковую природу биармийцев, а сформулировал это как вопрос. Однако в заключении он предположил, что биармийцы были близки к западным финнам и что их современные представители — карелы.

С точки зрения современного финно-угроведения в целом, представленные взгляды не соответствуют действительности. Очевидно, что К. Жаков предпринял не реконструкцию (праязыкового состояния) в прямом смысле слова, а попытался соотнести наиболее древние письменные данные о финно-угорских народах с данными топонимии, мифологии, эпоса и других источников. Подобного плана представления о довольно обширной прародине финно-угров и их богатой цивилизации (Биармии) были довольно популярны и среди коми краеведов в 1920-е годы. Вызывает сомнения и толкование, отождествляющее *биармию* с *пермью* и *пармой*. Распространено мнение о несвязанности этих этимологий (Хайду 1985 : 52—53) и прибалтийско-финском происхождении слова *пермь* (Туркин 1974 : 61—62), хотя нередки мнения и об их связанности. В целом же К. Жаков правильно идентифицировал биармийцев с предками карел и вепсов, что отвечает современным научным представлениям.

О происхождении топонима *Москва*, который К. Жаков однозначно толковал как коми по происхождению, до сих пор нет единого убедительного мнения. Выдвинуты скифская, иберийско-кавказская, балтийская и славянская гипотезы (Смолицкая, Горбаневский 1982 : 83—86). Тем не менее точки зрения, выводящие происхождение этого топонима из лексики финно-угорских языков, отнюдь не являются чем-то менее обоснованным. Кроме гипотез о коми или прибалтийско-коми происхождения названия *Москва*, в последнее время высказана точка зрения, согласно которой топоним возник

на основе гипотетического мерянского инфинитива **москаш* ~ *мошкаш* 'стирать, мыть' (Халипов 1984 : 130—131). Таким образом, финно-угорский элемент в топониме *Москва*, вполне возможно, отражает былое расселение финно-угров, как и предполагал К. Ф. Жаков.

К. Ф. Жакова остро волновал и вопрос о родстве коми языка с другими языками. Этой теме он посвятил несколько докладов, которые прочитал в Петербургском университете и Архангельском обществе изучения Русского Севера. По свидетельству Н. Н. Поппе, Жаков был известен как исследователь коми языка с точки зрения его родства с другими языками (Поппе 1928 : 57). Учитывая, что Жаков преимущественно экстраполировал особенности коми языка на все финно-угорские языки, в его понимании родство коми языка с другими автоматически означало родство угро-финских языков с этими языками. В данном аспекте представляет интерес вывод К. Ф. Жакова о несомненном родстве японского и зырянского языков. Основываясь на материале его доклада (Жаков 1913 : 712), представим выдвинутые им аргументы: 1) родственность первобытных корней японского и зырянского языков (сходство грамматических форм); 2) отсутствие вескости в возражениях востоковедов против этого положения; 3) многие названия рек и городов в Сибири угро-финского происхождения; 4) тунгусский и маньчжурский языки имеют отдаленное родство с угро-финскими и т. д.

«Самоедский» язык, по К. Жакову, примыкает к группе урало-алтайских языков и стоит ближе всего к венгерскому. Близость коми языка к алтайским постулировал в свое время и другой коми лингвист, поэт и общественный деятель И. А. Куратов (1939 : 29).

Вывод К. Ф. Жакова знаменателен и тем, что в последующем многие ученые-компаративисты интенсивно изучали урало-алтайское родство. В современном финно-угроведении возможность гипотетического древнего родства уральских и алтайских или уральских и какой-то группы алтайских языков вполне признается (ОФУЯ 46). Современная японская уралистика, по словам Т. Коизуми, отталкивается от гипотезы М. Кастрена об урало-алтайской семье языков и основополагающих трудов Г. Й. Рамстедта (Koizumi 1986 : 1). Хотя необходимо отметить, что Г. Й. Рамстедт исследовал урало-алтайские связи в основном на уровне этимологии (Ramstedt 1982 и др.).

В заключение необходимо отметить, что нами изучены далеко не все работы К. Ф. Жакова, касающиеся языковедческой проблематики, однако уже приведенные положения представляют большой интерес для истории финно-угорского и коми языкознания, для определения развития историко-филологической мысли того времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Жаков К. 1911, Судьбы угро-финских племен в историческое и доисторическое время. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, № 17, Архангельск, 409—413.
- 1913, О соотношении японского и самоедского языков к угро-финским, в частности к зырянскому языку, и историко-культурные выводы их. Доклад. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, № 15, Архангельск, 711—713.
- Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974 (= ОФУЯ).
- Поппе Н. Н. 1928, Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР. — Финно-угорский сборник, Ленинград, 27—76.
- Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. 1982, Топонимия Москвы, Москва.
- Туркин А. 1974, Пермь ним йыльсь. — Войвыв кодзув, № 5, 61—62.
- Черепанова О. А. 1983, Мифологическая лексика Русского Севера, Ленинград.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Халипов С. Г. 1984, Что значит *Москва*? — СФУ XX, 129—131.
- Koizumi, T. 1986, Linguistic survey of uralic studies in Japan. — The Journal of Intercultural Studies. Extra Series I. Uralic Studies Volume, 1—6.
- Ramstedt, G. J. 1982, Paralipomena of Korean Etymologies. Collected and edited by Songmoo Kho, Helsinki (MSFOu 182).